

Анализируется связь между концептом природы в философии и литературе романтизма и попытками осмыслить экологические вызовы современности.

Для разработки и внедрения эффективной концепции экообразования важно понять механизм включения достижений различных отраслей современной экологии, представленных совокупностью экологических знаний, в систему экологического образования в процессе коммуникации, а также методы овладения такими знаниями на уровне субъекта, когда знания о мире трансформируются в личностное осмысление мира. Важным средством коммуникации и источником формирования новых смыслов является научная, научно-популярная и художественная литература.

Наиболее ярко тема целостности природы, природного универсума и единства мира человека и мира природы отражена в философии и литературе эпохи Романтизма.

Говоря о созвучности между размышлениями и тревогами представителей немецкого и английского романтизма и современной экологической проблематикой, следует избегать упрощения романтических представлений о гармонии между человеком и природным универсумом, акцентируя внимание на глубоком, разностороннем и критическом осмыслении динамических связей между миром человека и миром природы.

Ключевые слова: экологическое образование, экологические вызовы, Романтизм, концепт природы, “зеленый”/экологический романтизм.

* * *

УДК 1(091):224:(394.4)

Рассоха И. Н.

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и культурологии, Харьковский национальный университет городского хозяйства им. А. М. Бекетова (Украина, Харьков), ihor.rassokha@gmail.com

ФИНИКИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

Для философии как особенного институционализованного вида человеческой деятельности необходимо наличие особенных социальных институций, которые ее культивируют, особенно наличие системы высшего образования, которое обеспечивает преемственность философских учений. У финикийцев были особенные социальные институты, где их культивировали, то есть система высшего образования, которое служило социальной средой для развития философии. В частности, в Палестине существовали сообщества из учеников и последователей известных пророков. Аналогично в пифагорейской школе существовала традиция приписывать все достижения школы ее основоположнику. При этом очевидно, что существовали (в частности, в Финикии) и сообщества учеников пророков “небиблейских”, куда более близкие по характеру к обществу пифагорейцев, на организационный опыт и традиции которых ориентировался сам Пифагор. Если сообщества “потомков физиолога Мохы” существовали у финикийцев как минимум из VII - VI ст. к н. э. (когда у них учился Пифагор) то эта традиция философских школ существовала и намного позже, в эпоху эллинизма.

Ключевые слова: финикийская философия, пифагорейцы, Мох, Пифагор, “небиблейские” пророки, стоики.

(статья друкється мовою оригіналу)

Общеизвестно, что у финикийцев полисная система социальной организации общества сформировалась раньше, чем у греков, и греки позаимствовали ее в готовом виде у финикийских колонистов. У финикийцев греки переняли также финикийский алфавит и множество других достижений культуры. Собственно, города Финикии были лишь частью единого культурного пространства Ханаана, с единым языком, куда входили и древние евреи. Известно также, что основатель древнегреческой философии (и науки вообще) Фалес был по происхождению финикийцем [6, с. 140–149, 156].

Неясно происхождение и другого основателя древнегреческой философии – Пифагора. Согласно Ямвлиху (Жизнь Пифагора, 5–7, 9, 13), отца Пифагора звали Мнемархом, он был родом с Самоса, но торговал с Сирией. В такой торговой поездке при особо благоприятных пророчествах его жена “разрешилась от бремени в Сидоне, в Финикии”. Затем Мнемарх возвратился с семьей “из Сирии на Самос с огромной

прибылью и неисчислимым богатством”. Соответственно, для продолжения учебы “Пифагор отплыл в Сидон, зная, что этот город – его отечество по рождению” [12, с. 14–15, 18]. Из этого следует, что в семье у Пифагора как минимум знали финикийский язык.

Но в источниках сохранились и прямые указания на то, что Пифагор был финикийцем: “Согласно большинству, Пифагор был варварского происхождения... Согласно Неанфу – сирийцем или уроженцем Тира” (Климент Алекс. Строматы, 1, 62) [3, с. 141 (DK 14.8)]. Порфирий в “Жизни Пифагора” (1) приводит, в частности, такие данные: “Почти все согласно утверждают, что Пифагор был сыном Мнесарха, но разноречиво судят о происхождении самого Мнесарха. Некоторые считают Мнесарха уроженцем Самоса. Но Клеанф (в V книге “Мифических повествований”) говорит, будто Мнесарх был сириец из сирийского Тира и будто он однажды в неурожайный год приплыл на Самос по торговым делам, устроил раздачу хлеба, и за это был удостоен самосского гражданства. Потом, так как Пифагор с детства оказался способен ко всем наукам, Мнесарх отвез его в Тир и привел к халдеям, где Пифагор и овладел всеми их знаниями. Вернувшись оттуда в Ионию, Пифагор сперва учился при Ферекиде Сиросском” [7, с. 416].

Словарь Суды (DK 7.A.2) так говорит о Ферекиде: “Ферекид, сын Бабия, Сиродец (Сира – один из Кикладских островов, близ Демоса)... (Родился около 600 г. до н.э.). Рассказывают, что он был учителем Пифагора, а у него самого наставника не было: он сам себя выучил, приобретя тайные книги финикийцев. Некоторые сообщают, что он первым опубликовал сочинение в прозе, в то время как другие относят это к Кадму Милетскому” [3, с. 84–85]. Это исключительно характерно: родоначальником греческой прозы являются либо Ферекид Сиросский, который “выучился, приобретя тайные книги финикийцев”, либо некий Кадм Милетский, т.е. финикиец из Милета, земляк (и предшественник) Фалеса. Кстати, имеется очень важное свидетельство и относительно классической четверки первоначал (огонь, воздух, вода, земля): “Говорят, что первоначала впервые открыл Кадм, иные же говорят, что он лишь перенес к нам открытия финикийцев. Эти сообщения подтверждаются свидетельствами милетских летописцев” (DK 12.A31). Вообще несомненно, что сами милетцы полагали свое учение о веществе, равно как и арифметику, и мореходную астрономию, даром финикийцев [11, с. 156].

Для философии как особого институционализованного вида человеческой деятельности необходимо наличие особых социальных институтов, которые ее культивируют, в особенности наличие системы высшего образования, обеспечивающей преемственность философских учений. – У финикийцев были не только “тайные книги”, но и особые социальные институты, где их культивировали, т.е. система высшего образования, служившая социальной средой для развития философии. В частности, в Палестине существовали сообщества из учеников и последователей известных

пророков, например, “сыны пророков, которые в городе Бет’эле” или “пятьдесят человек из сынов пророков” в Иерихоне и т.д. Становление пророческих сочинений происходило в рамках этих ассоциаций; ученики в устной форме передавали и сохраняли слова учителя, дополняя часто их при этом новыми речениями, сочиненными в их среде, но также приписываемыми учителю, рассказами о его жизни и деятельности и т.п.; значительно позднее эти рассказы записывались. Так возникли библейские книги Исаяи, Иезекииля, Иеремии и др. [1, с. 119–120].

Аналогично в пифагорейской школе существовала традиция приписывать все достижения школы ее основоположнику. При этом очевидно, что существовали (в частности, в Финикии) и сообщества учеников пророков “небиблейских”, куда более близкие по характеру к сообществу пифагорейцев, на организационный опыт и традиции которых, собственно, и ориентировался сам Пифагор.

Решающее значение здесь имеет свидетельство Ямвлиха, который в биографии Пифагора говорит о непосредственном влиянии на него финикийцев: “Он приплыл в Сидон и там встретился с пророками, потомками физиолога Моха, и с другими, и с финикийскими иерофантами” [8, с. 82]. Да и в само братство пифагорейцев входили финикийцы, в частности, карфагеняне. Ямвлих приводит имена: “Мильтиад, Антен, Годий, Леокрит – карфагеняне” в своем списке пифагорейцев, причем Мильтиад, как это следует из текста, принадлежал к самой верхушке карфагенского общества [3, с. 465, 497].

Еще раз напомним цитату из Библии (3–я Царств, 4. 30–31): “И была мудрость Соломона выше мудрости (...) и Халкола, и Дарды, сыновей Махола, и имя его было в славе у всех окрестных народов”. Сравним ее с общепризнанным утверждением: “в Палестине существовали сообщества из учеников и последователей известных пророков”. Очевидно, что выражение “сыновья Махола” с очень большой долей вероятности означает то же самое, что и “потомки физиолога Моха”. Это значит, что имя Моха было хорошо известно и авторам Библии.

Здесь следует обратить внимание еще и на то, что ближе неизвестные нам “сыновья Махола” Халкол и Дарда признавались авторами Библии в качестве самостоятельных великих мудрецов. Очевидно, что они не слепо копировали учение основателя своей философской школы Моха, а развивали его дальше. Т.е. определение “потомки физиолога Моха” значит примерно то же самое, что и пифагорейцы, эпикурейцы, гегельянцы, гуссерлианцы и т.п. – последователи одной из философских школ.

Если сообщества “потомков физиолога Моха” существовали у финикийцев как минимум с VII–VI вв. до н.э. (когда у них учился Пифагор), то эта традиция философских школ не пресеклась и гораздо позднее, в эпоху эллинизма – во II в. до н.э. Об этом находим прямое свидетельство у Диогена Лаэртского (IV. 67) в рассказе о Клитомaxe Карфагенском, которого он называет (I. 19) основателем одной из десяти античных школ в этике – диалектической: “Имя его было Гаструбал, и у себя в отечестве он занимался философией на родном языке (Выделено мной. – И. Р.).

Только в сорок лет он приехал в Афины и стал слушать Карнеада. Приметив и одобряя его прилежание, Карнеад побудил его изучить греческую словесность и сам занимался с ним. Усердие его дошло до того, что он написал свыше 400 книг. И, став преемником Карнеада, он своими сочинениями более всего пролил света на его учение. Во всех трех школах, академической, перипатетической и стоической, он был самым приметным человеком” [7, с. 60, 187]. – Какой еще народ Средиземноморья, кроме финикийцев (и греков), мог во II в. до н.э. заниматься философией на родном языке? Даже римляне не могли!

И среди философов, писавших по-гречески, значительный процент составляли выходцы из Финикии. Достаточно назвать такого гиганта мысли, как основатель стоицизма Зенон из Китиона – финикийского города на острове Кипр. Финикийцы встречались среди последователей разных философских школ. Так, среди киников был известен финикиец Менипп [7, с. 245 (6. 99)], среди эпикурейцев – “Зенон Сидонский, слушатель Аполлодора, великий борзопищик” [7, с. 375 (10. 25)], среди руководителей Академии был уже упоминавшийся Клитомax Карфагенский.

“Вообще, Финикия была одним из центров эллинистической ученой литературы. Страбон говорит о сидонской философской школе, знакомой с Аристотелем и представлявшейся Бозфом и Диодотом. Свидя упоминает о Зеноне и его труде “Сидонская история”. В Тире еще раньше процветали стоики – Антипатр, друг Катона младшего, и Аполлоний, описавший жизнь Зенона и составивший библиографию стоицизма. Свидя говорит об Аспасии, библском софисте, современнике Адриана, написавшем историю Библа. Библ в конце I в. н.э. был также центром богословской литературы, представителями которой являются Филон и Ермипп. Современником последнего был Марин Тирский, первый ученый географ, который, изучив восточные и греческие географические труды, составил первые карты, послужившие потом для Птолемея. Из других тирян известны: Павел ритор, за речь которого перед Адрианом город получил титул метрополии, и Максим Философ, один из воспитателей императора Марка Аврелия. Все эти авторы писали на греческом языке; многие из них были природные греки, но влияние на них туземной культуры, а может быть и финикийских литературных источников (например на Филона и Марина) нельзя отрицать. (...) Неоплатонизм, эта своеобразная переработка западной философии в восточном смысле, имел одним из наиболее видных представителей тирского уроженца Малха, по-гречески Порфирия” [9, с. 257–258]. К этому следует прибавить еще уроженцев многочисленных финикийских колоний, начиная с Карфагена. Так, уроженцами древнего Гадира в Испании были крупнейший философ–неопифагореец I века н.э. Модерат, а также писавший по-латыни знаменитый агроном Колумелла [10, с. 216–220], и т.д.

Если подсчитать число античных философов – финикийцев по происхождению, то оно может оказаться больше, чем число философов–римлян. Ни один другой народ, кроме самих греков, не дал миру столько античных философов, как финикийцы. С греками много веков находились в тесном общении

египтяне, фракийцы, скифы, ливийцы, галлы и другие народы. Но греческая философия нашла отклик в сердцах и умах одних только финикийцев (и позднее римлян). Почему римлян – понятно: те выступили наследниками греческой культуры и имели греческих учителей. А финикийцы сами имели близкородственную философскую традицию, сами были учителями греков. Поэтому им легко было перейти, как Гаструбалу (Клитомаху), от “философии на родном языке” к занятиям греческой философией.

До нас дошли в греческом переводе и отрывки собственно финикийских философских текстов: две краткие космогонии, а также отрывки из труда Санхунйатона, переведенного Филоном Библиским. Указанные космогонии приводит в своём труде Дамаский: “Сидоняне, по словам Евдема, ставят в начале всего Хрона (Время), Пофа (Страсть) и Омихлу (Облако). От соединения Пофа и Омихлы, как двух начал (“Облако” как неформленной Бытиё и “Страсть” как Мировая Воля? – И. Р.), произошли Аир (Воздух) и Аура (Дуновение). Аир они объявляют несмешанным с умопостигаемым, Ауру же – живым прообразом умопостигаемого, истекающим из него (Аира). Затем от них двух произошло Яйцо, сообразно, как я думаю, умопостигаемому Разуму.

Если, минуя Евдема, мы станем исследовать мифологию финикийцев по Моху, то искони были Эфир и Аир (Воздух), те же два начала. От них рождается Улом (Вечность), умопостигаемый Бог, как я думаю, верх того, что познаётся разумом. От его соединения с самим собою, как он говорит, произошёл Хусор, сперва Отверзитель, затем Яйцо. Уломом, я думаю, они называли умопостигаемый Разум, а Отверзителем Хусором – силу, познаваемую умом, как первую силу, расчленившую нерасчленённую природу” [8, с. 219]. Текст довольно туманный, но одно можно сказать с уверенностью: это уже не религия и не миф. Это – уже философия.

Кстати, вторая из космогоний – самое длинное из сохранившихся (двух) изложений взглядов Моха. Второе – короче и неизмеримо важнее – у Страбона (XVI р. 757): “Если же верить Посидонию, то и учение об атомах является древним и принадлежит Моху Сидонскому, жившему до Троянской войны” [4, с. 219].

“До Троянской войны” здесь, скорее всего, следует читать просто как “очень давно”, древние греки имели очень смутное представление даже о времени жизни Гомера (VIII в. до н.э.). В любом случае, безусловно, верно, что Мох жил и творил раньше любого из древнегреческих философов. Причём сам он был именно философом, в чём едины как древние, так и современные исследователи. Так, Диоген Лаэртский писал в своей единственной дошедшей до нас “античной истории философии” (1.1): “Некоторые говорят, что занятия философией началось у варваров... и что у них были философы: финикийнин (М)ох...” [7, с. 55]. А в “Истории Древнего Востока” сказано: “Античные авторы признавали зависимость греческой культуры от восточной, в особенности от финикийской... Согласно античной традиции, сидонянин Мох ещё задолго до греческих философов-материалистов создал учение об атомах” [14, с. 245].

О Мохе упоминает и Секст Эмпирик (IX, 363): “Относительно самых древних стихий образовалось два главных противоречивых толка, а разновидностей – еще больше. Одни говорят, что стихии сущего телесны, другие – что бесплотны. Из тех, кто говорит, что телесны, Ферекид Сиросский называл землю началом и стихией всего, Фалес Милетский – воду (...) Демокрит же и Эпикур – атомы, если только это учение не следует считать более древним и, как сказал стоик Посидоний, происходящим от некоего сидонянина Моха” [8, с. 81].

У Евсевия Кесарийского сохранилось значительно более подробное изложение взглядов другого гениального финикийского философа, Санхунйатона, о чем мы уже писали отдельно [5].

То, что среди всех философов Финикии до нас дошли лишь имена Моха и Санхунйатона, показывает, что именно их духовное наследие продолжало оставаться живым и актуальным во всей последующей истории философии, и особенно греческой философии. Античные авторы неоднократно их упоминали. Так, Афиной (Athen. Lib. III, cap. 37, p. 126) упоминает их в диалоге Кинолька с уроженцем Тира Ульпианом: “Угостись, Ульпиан, родным хедронсом (видом зелени), о котором не написано ни у кого из древних, клянусь Деметрой, кроме писателей о финикийских делах, твоих Суниэтона и Моха”. А Иосиф Флавий в “Иудейских древностях” (I. 3: 6) пишет: “Мои слова [о том, что люди в древности жили по тысяче лет] подтверждают Мохос, Гекатей и, кроме того, египтянин Иероним, повествующие о деяниях финикийцев” [2, с. 14]. Т.е. Мох подобно Санхунйатону был также и историком. О Мохе упоминали Секст Эмпирик, Ямвлих, Диоген Лаэртский, Свида и Евсевий.

Недаром Ямвлих совершенно справедливо называет Моха “физиологом” – т.е. философом, изучающим природу. Очевидно, что никто из античных авторов так не называл никого из египетских, халдейских либо иранских жрецов. “Таким образом, можно утверждать, что у финикийян существовала довольно обширная и разнообразная по своим тенденциям философская литература” [13, с. 18]. Между прочим, Евсевий Кесарийский сообщает (из Тагиана) о писателе Лэте, который перевел на греческий язык труды финикийских философов Феодота, Ипсикрата (имена эллинизированы) и Моха [9, с. 270]. Древнегреческой философии предшествовала философия финикийская.

Список использованных источников

1. Вейнберг И. П. Предэллинизм на Востоке // История древнего мира. Расцвет древних обществ. – М., 1982.
2. Генкель Г. (переводчик). Флавий Иосиф. Иудейские древности. В 2-х томах. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1996. – Т.1. – 862 с.
3. Лебедев А. В. (переводчик). Фрагменты ранних греческих философов. – Ч.1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / Под ред. И. Д. Рожанского. – М.: Наука, 1989.
4. Маковельский А. О. Древнегреческие атомисты. – Баку: Изд. АН Азербайдж. ССР, 1946. – 401 с.
5. Рассоха И. Н. Санхунйатон – гениальный финикийский мыслитель // Вісник ХНУ ім. В. Н. Каразіна №1142. Серія “Теорія культури і філософія науки”. Випуск. – Харків, 2014. – С.74–80.
6. Рассоха И. Н. Финикийская философия и Библия. Открытие финикийцами Америки. – Харьков: ХНАМГ, 2009. – 410 с.
7. Рожанский И. Д. (переводчик). Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. 2-е изд. – М.: Мысль, 1986. – 571 с.
8. Тураев Б. А. Остатки Финикийской литературы. – Спб.: Тип. В. Киришбаума, 1903. – 141 с.

9. Тураев Б. Финикия // Иллюстрированная энциклопедическая библиотека. Древний Восток: История. Философия. Религия. Искусство. – М.: “Деконт +”, 1996. – С.245–273.

10. Циркин Ю. Б. Финикийская культура в Испании. – М.: Наука, 1976. – 246 с., ил.

11. Чайковский Ю. В. Фалесова наука в историческом контексте // Вопросы философии. – 1997. – №8. – С.151–165.

12. Черниговский В. Б. (переводчик). Ямвлих Халкидский. Жизнь Пифагора. Пер. с древнегреч. – М.: Алетея, 1997. – 184 с.

13. Шифман И. Ш. Финикийский язык. – М., 1963. – 68 с.

14. Яйленко В. П. Архаическая Греция и Ближний Восток. – М.: Наука, 1990. – 271 с., ил.

References

1. Vejnberg I. P. Predellinizm na Vostoke // Istoriya drevnego mira. Rastsvet drevnikh obshchestv. – М., 1982.

2. Genkel' G. (perevodchik). Flaviy Iosif. Iudeyskiye drevnosti. V 2-kh tomakh. – М.: KRON-PRESS, 1996. – Т.1. – 862 с.

3. Lebedev A. V. (perevodchik). Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. – Ch.1: Ot epicheskikh teokosmogoniy do vozniknoveniya atomistiki / Pod red. I. D. Rozhanskogo. – М.: Nauka, 1989.

4. Makovel'skiy A. O. Drevnegrecheskiye atomisty. – Baku: Izd. AN Azerbaydzh. SSR, 1946. – 401 s.

5. Rassokha I. N. Sankhunyato – genial'nyy finikiyskiy myslitel' // Visnik KHNU im. V. N. Karazina №1142. Seriya “Teoriya kul'turi i filosofiya nauki”. Vipusk. – Kharkiv, 2014. – S.74–80.

6. Rassokha I. N. Finikiyskaya filosofiya i Bibliya. Otkrytiye finikiytsami Ameriki. – Khar'kov: KHNAMG, 2009. – 410 s.

7. Rozhanskiy I. D. (perevodchik). Diogen Laertskiy. O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitikh filosofov. 2–ye izd. – М.: Mysl', 1986. – 571 s.

8. Turayev B. A. Ostatki Finikiyskoy literatury. – Spb.: Tip. V. Kirshbauma, 1903. – 141 s.

9. Turayev B. Finikiya // Illyustrirovannaya entsiklopedicheskaya biblioteka. Drevniy Vostok: Istoriya. Filosofiya. Religiya. Iskusstvo. – М.: “Dekont +”, 1996. – S.245–273.

10. Tsirkin Yu. B. Finikiyskaya kul'tura v Ispanii. – М.: Nauka, 1976. – 246 s., ил.

11. Chaykovskiy Yu. V. Falesova nauka v istoricheskom kontekste // Voprosy filosofii. – 1997. – №8. – С.151–165.

12. Chernigovskiy V. B. (perevodchik). Yamvlikh Khalkidskiy. Zhizn' Pifagora. P. s drevnegrech. – М.: Alateya, 1997. – 184 s.

13. Shifman I. Sh. Finikiyskiy yazyk. – М., 1963. – 68 s.

14. Yaylenko V. P. Arkhaicheskaya Gretsya i Blizhniy Vostok. – М.: Nauka, 1990. – 271 s., ил.

Rassokha I. M., PhD, associate professor of O. M. Beketov National University of the Urban economy in Kharkiv (Ukraine, Kharkiv), ihor.rassokha@gmail.com

Phoenician philosophy as a social institution

Philosophy as a special kind of institutionalized human activity requires a specific social institutions that cultivate it, especially the presence of the higher education system to ensure the continuity of philosophical doctrines. The Phoenicians had special social institutions, where they were grown, that is, the higher education system, which served as the social environment for the development of philosophy. In particular, in Palestine there were communities of disciples and followers of the famous prophets. Similarly, in the Pythagorean school had a tradition to attribute all the achievements of the school to its founder. It is obvious that there were (in particular, in Phoenicia) as well the community of students of the “unbiblical” prophets, which are closer to the nature of the community of the Pythagoreans, their organizational experience and tradition were in fact, guided by Pythagoras himself. If the community “descendants of physiologist Mochus” existed at least since the Phoenicians VII–VI centuries. BC. e. (When they learned Pythagoras), this tradition of philosophical schools are not cut short, and much later, in the Hellenistic period.

Keywords: Phoenician philosophy, Pythagoreans, Mochus, Pythagoras, “unbiblical” prophets, Stoics.

Rassokha I. M., кандидат філософських наук, доцент, доцент кафедри історії та культурології, Харківський національний університет міського господарства ім. А. М. Бекетова (Україна, Харків), ihor.rassokha@gmail.com

Фінікійська філософія як соціальний інститут

Для філософії як особливого інституціоналізованого виду людської діяльності необхідна наявність особливих соціальних інституцій, які її культивують, особливо наявність системи вищої освіти, що забезпечує стабільність філософських вчень. У фінікійців були особливі соціальні інститути, де їх культивували, тобто система вищої освіти, що служила соціальним середовищем для розвитку філософії. Зокрема, в Палестині існували спільноти з учнів і послідовників відомих пророків. Аналогічно в піфагорійській школі існувала традиція приписувати всі досягнення школи її основоположнику. При

цьому очевидно, що існували (зокрема, у Фінікії) і спільноти учнів пророків “небіблійних”, куди більш близькі за характером до товариства піфагорійців, на організаційний досвід і традиції яких орієнтувався сам Піфагор. Якщо спільноти “нащадків фісіолога Мох” існували у фінікійців як мінімум з VII–VI ст. до н.е. (коли у них навчався Піфагор), то ця традиція філософських шкіл існувала і набагато пізніше, в епоху еллінізму.

Ключові слова: фінікійська філософія, піфагорійці, Мох, Піфагор, “небіблійні” пророки, стоїци.

* * *

УДК 172.3

Савранська Н. О.

кандидат філософських наук, доцент
кафедри етики та естетики, Національний педагогічний
університет ім. М. П. Драгоманова
(Україна, Київ), n.savranska@gmail.com

ФЕНОМЕН ТОЛЕРАНТНОСТІ: ПОЛІВАРІАНТНІСТЬ СМИСЛІВ

Розглянуто поліваріативний сенс толерантності. Проаналізовано типологію толерантності запропоновану М. Уолцером та специфіку її функціонування у сучасному світі. М. Уолцер пропонує розрізняти п'ять типів толерантності: толерантність як покірність, байдужість, стоїцизм, зацікавлення й ентузіазм. Кожен з цих п'яти підходів існує сьогодні паралельно та кожен з них має свої недоліки та переваги. Толерантність як “покірливе прийняття відмінностей заради дотримання миру” історично стосувалася віротерпимості і забезпечує мінімальний рівень толерантності необхідний для співіснування людей. Найсучасніший тип толерантності – “толерантність як ентузіазм” є “продуктом епохи постмодерну” і пов'язаний з визнанням цінності мультикультуралізму та плюралізму думок та вимагає не лише твердження права інших бути такими, якими вони є, але також і припущенням можливої зміни власної ідентичності.

Ключові слова: поліваріантність сенсу толерантності, М. Уолцер, віротерпимість, толерантність як покірність, байдужість, стоїцизм, зацікавлення й ентузіазм.

Ідея толерантності має тривалу історію розвитку: з XVI сторіччя поступово людство приходить до усвідомлення того, що її підтримка є обов'язковою умовою мирного співіснування, вона набуває популярності та її починають активно досліджувати мислителі та філософи західної традиції. Протягом історії розвитку ідеї толерантності її сенс зазнав певних змін, що значною мірою і зумовило сучасну поліваріативність її смислів. Трагічні події XX та початку XXI сторіччя, з одного боку, засвідчили неабияку актуальність толерантності та забезпечили їй вагомe місце у морально-імперативному просторі, а з іншого, зумовили необхідність дослідження специфіки її функціонування, чіткого розмежування її відмінних значень та докладного аналізу нюансів цих значень. Логіка існування сучасного глобалізованого еклектичного світу, світу “інтенсивного мультикультуралізму” [9, с. 102], у якому толерантність починається “на власній кухні”, де зустріч представників різних етнічних, національних, релігійних, ідеологічних і т.п. груп вже не є рідкістю, надає ідеї толерантності нового змісту та безперечно практичного значення. Водночас принцип толерантності регулярно, а іноді обґрунтовано піддається критиці.

Різним аспектам проблем толерантності приділяли увагу чимало філософів та мислителів (М. Лютер, Б. Спіноза, Дж. Локк, Ф. М. Вольтер, Д. Дідро, Г. Э. Лессінг, М. Монтень, Ж.–Ж. Руссо, Дж. С. Міль та інші). Дослідження проблем толерантності продовжилося і у XX та XXI століттях, як зарубіжними філософами: Дж. Ролз, Р. Дворкін, Ю. Хабермас, О. Хьоффе, М. Уолцер, С. Жижек, А. А. Гусейнов,